

ИСТОРИЯ

УДК 94 (930)

ХОРЕЗМИЙСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ ЮЖНОГО КАВКАЗА И БИТВА ПРИ ГАРНИ 1225 г.

(Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 16-01-50028)

Д.М.Тимохин,

ФГБУН Институт востоковедения РАН (Москва)

horezm83@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена одному из самых ярких эпизодов хорезмийской экспансии в пределы Южного Кавказа, а именно битве при Гарни 1225 г. Именно это военное столкновение во многом предопределило ход дальнейшей военной и политической деятельности хорезмшаха Джалал ад-Дина Манкбурны: вплоть до собственной гибели в 1231 г. его внимание будет приковано к данному региону, который по праву станет сердцем его державы. Со своей стороны, именно хорезмийская экспансия подорвала военное и политическое могущество Грузинского царства, которое уже не смогло впоследствии достойно противостоять монгольской угрозе в 1230-е гг. В этой статье нами не только приводится описание самой битвы, но и акцентируется внимание на причинах и предпосылках данного военного столкновения и его последствиях. В статье также представлен краткий анализ военной и политической ситуации в пределах Южного Кавказа накануне появления хорезмийской угрозы. Историческая картина событий реконструируется с привлечением как арабо-персидских, так и грузинских и армяноязычных источников. При этом автор попытался выделить ключевые сюжеты, на которые обращают внимание авторы всех трех групп памятников, чтобы подчеркнуть важнейшие авторские оценки и выводы, приводимые в тех или иных исторических источниках. В результате битва при Гарни 1225 г. рассматривается автором и как историческое событие, и как определенный нарратив, сформированный средневековыми историками, принадлежащими к различным религиозным, этническим и социальным общностям. Именно анализ упомянутого нарратива и закономерностей его формирования видится нам важной составляющей данного исследования.

Ключевые слова: Гарни, Южный Кавказ, хорезмшах Джалал ад-Дин Манкбурны, Грузия, Армения, Азербайджан, Ширван, Арран.

KHWAREZMIAN CONQUEST OF THE SOUTH CAUCASUS AND THE BATTLE OF GARNI IN 1225

(The work was carried out with financial support from Russian Foundation for Basic Research, Project No. 16-01-50028)

D.M. Timokhin,

FSBSI the Institute of Oriental Studies of the RAS (Moscow)

horezm83@mail.ru

Abstract. The article deals with one of the most striking moments of the Khwarezmian expansion into the South Caucasus, namely the battle of Garni in 1225. It was this military clash that largely predetermined the course of the further military and political activity of the Khorezmshah Jalal ad-Din Mankburni: till his death in 1231, his attention was focused on this region, which had rightfully become the heart of his power. For its part, it was the Khwarezmian expansion that undermined the military and political might of the Georgian Empire, so that it could no longer properly withstand the Mongolian threat in the 1230s. The author of the article considers the battle and focuses on the causes and preconditions of this military conflict and its consequences. The article also presents a brief analysis of the military and

political situation in the South Caucasus on the threshold of Khwarezmian threat. The events are reconstructed basing on the available sources in the Arabic-Persian, Georgian and Armenian languages. The author of the article highlights the key matters, which the authors of the three sources draw attention to, and emphasizes the most important authors' assessments and conclusions cited in the historical sources. Thus, the author of the article considers the battle of Garni in 1225 both as a historical event and as a certain narrative created by medieval historians belonging to different religious, ethnic and social communities. The analysis of the mentioned narrative and the laws of its formation is an important component of this study.

Keywords: Garni, South Caucasus, Khorezmshah Jalal ad-Din Mankburni, Georgia, Armenia, Azerbaijan, Shirvan, Arran.

Южный Кавказ в первой половине XIII в. переживает две волны монгольских завоевательных походов, в результате которых монгольские завоеватели окончательно подчинили себе этот регион. Между походами отрядов Джебэ и Субэдэя и вторым вторжением монгольских отрядов на Южный Кавказ его земли перенесли также и разрушительную экспансию хорезмийских войск под командованием Джалал ад-Дина Манкбурны. В этой статье нам хотелось бы рассмотреть одно из самых крупных военных столкновений на Южном Кавказе в эпоху хорезмийского вторжения, а именно битву при Гарни в 1225 г. между армией Джалал ад-Дина Манкбурны и грузинским войском. Значимость данного сражения связана с тем, что поражение грузинской армии фактически предопределило дальнейшее направление хорезмийской экспансии: если до этой битвы интересы Джалал ад-Дина, преимущественно, были направлены на земли государства атабеков Азербайджана, а также владения багдадского халифа ан-Насира, то после событий 1225 г. он сосредоточился на завоевании всего Южного Кавказа. Процесс создания Джалал ад-Дином Манкбурны собственного государства после битвы при Гарни должен был связать воедино территории указанного региона с рядом областей Ирана и Ирака Персидского, что, в свою очередь, позволило бы выстроить «стену» на пути дальнейшей экспансии монголов в земли Малой Азии, Ирака, Ближнего Востока и, собственно, на Южный Кавказ. Включение территорий государства атабеков Азербайджана в состав Хорезмийской державы было лишь первым шагом в этом направлении, а успех в битве при Гарни в 1225 г. позволял завершить этот процесс за счет подчинения Грузинского царства.

Значимость битвы при Гарни 1225 г. и ее последствий отмечалась уже современниками и более поздними авторами исторических сочинений. Подтверждением этому является подробное описание данного сражения и последовавших за ним событий в различных армяноязычных, грузинских и арабо-персидских исторических источниках. Здесь нам хотелось бы отметить наиболее значимые для данного исследования памятники, информация из которых ляжет в основу этой работы. Принадлежность авторов нижеуказанных исторических сочинений к различным культурным, этническим и религиозным общностям предопределяет во многом различные оценочные характеристики как самого сражения при Гарни, так и его участников. Первая группа памятников, по причине их многочисленности, включает в себя арабо-персидские исторические сочинения: среди них главным образом следует указать труды Ибн ал-Асира [7; 32], ан-Насави [23; 41; 42], Сибта ибн ал-Джаузи [43], Джувейни [16; 35], Рашид ад-Дина [25], Мирхонда [39; 40] и Хондемира [37]. Ко второй группе исторических источников, использованных при написании данной статьи, относятся армяноязычные исторические сочинения, среди которых отметим труды Киракоса Гандзакеци «История» [14; 15], «Летопись» [6] епископа Степаноса, «Летопись» [6] Себастиана. Наконец, к третьей группе памятников относятся грузинские исторические сочинения, содержащие информацию о битве при Гарни 1225 г.: это, главным образом, «Столетняя хроника» или анонимный «Хронограф» XIV в. [4; 31], являющийся частью собрания исторических источников «Картлис Цховреба» или «История Грузии» [19]. Таким образом, корпус источников о битве при Гарни между грузинскими войсками и армией хорезмшаха Джалал ад-Дина Манкбурны не только весьма многочислен, но и, как уже говорилось выше, представлен памятниками, созданными в рамках различных этнических, религиозных и культурных общностей. Это требует от исследователей не только внимательного анализа предлагаемой источниками картины битвы при Гарни, но и использования методов компаративного источниковедения [18].

Отечественные и зарубежные исследователи обращались к истории битвы при Гарни 1225 г. преимущественно в общих трудах по истории Кавказа или по истории монгольского завоевания этого региона. Отдельно следует отметить исследования З.М. Бунятова «Государство

хорезмшахов Ануштегинидов» [12] и «История государства атабеков Азербайджана» [11], в которых битва при Гарни рассматривается в контексте истории двух указанных в названии исследований политических образований. Тем не менее, нельзя не отметить, что специальных исследований данного военного столкновения в современной востоковедной науке практически нет, а имеющиеся труды предлагают зачастую лишь краткое описание сражения и далеко не всегда привлекают для этого весь имеющийся корпус источников [2; 3; 5; 8; 9; 13; 17; 20; 24; 26; 29; 31; 33; 34; 36]. Таким образом, данная статья должна стать первым специальным исследованием битвы при Гарни и ее последствий с привлечением широкого круга исторических источников, как арабо-персидских, так и грузинских и армяноязычных памятников.

Прежде чем переходить непосредственно к описанию и анализу битвы при Гарни 1225 г., необходимо кратко осветить политическую историю Южного Кавказа накануне вторжения хорезмшаха Джалал ад-Дина Манкбурны, а также сказать несколько слов об этом правителе и о причинах, подтолкнувших его к этой военной кампании. К 1220 г. на территории Южного Кавказа располагались следующие государственные образования: Грузинское царство, государство Ширваншахов, государство атабеков Азербайджана и полунезависимый Арран. Что касается последнего, то он, хоть и входил формально в состав государства атабеков Азербайджана, однако из-за слабости центральной власти в лице атабека Узбека получил возможность отделиться и в итоге стал лишь главным объектом агрессии со стороны Грузинского царства. Арабо-персидские историки подчеркивают, что именно это государственное образование было самым сильным в пределах Южного Кавказа и представляло вполне реальную угрозу для своих соседей. «В сведениях предшествующих лет мы уже говорили, что натворили грузины в землях ислама – Хилате и его округах, Азербайджане, Арране, Арзане Рума, Дербенде Ширвана и в тех областях, которые прилегают к их стране, говорили о том, сколько они пролили крови мусульман, сколько разграбили их имущества и сколько захватили городов. Ежедневно в этих землях мусульмане подвергались унижению и бесчестию. Грузины совершали на них набеги, нападали на них и забирали все, что хотели из их имущества» [7, с. 375]. Даже если предположить, что масштабы военной агрессии Грузинского царства были слегка преувеличены в труде Ибн ал-Асира, все равно следует признать тот факт, что в годы правления Георгия IV (1213–1223 гг.) именно Грузия оказывала решающее влияние на политическую и военную ситуацию как в рамках Южного, так и Северного Кавказа, а также и в отдельных сопредельных регионах. По всей видимости, именно в связи с этим, а также в связи с желанием Грузинского царства принять участие в крестовом походе и при Георгии IV, и в годы правления царицы Русудан (1223–1245 гг.) в отдельных арабо-персидских памятниках складывается представление о том, что именно Грузия была одной из важнейших угроз для исламского мира. «...Грузин, этих нечестивых безбожников, охватило желание овладеть этой страной [Речь идет о территории государства атабеков Азербайджана. – Авт.], вознамерившись в первую очередь изгнать султана и захватить область Табриза, а затем прийти в Багдад и посадить католика на место халифа и превратить мечети в церкви, а истинную веру в ложную» [16, с.301].

В свою очередь другие государства Южного Кавказа или не представляли собой существенной военной силы, как в случае с государством Ширваншахов, или же переживали глубокий внутренний кризис, как государство атабеков Азербайджана, о чем уже говорилось выше. В отношении последнего следует отметить, что правивший там атабек Узбек фактически самоустранился от руля управления, передав его собственной жене, что не могло не сказаться на военной и политической мощи его державы. «Жена Узбек-хана, а она – (Малика), дочь султана Тогрула ибн Арслана ибн Тогрула ибн Мухаммада ибн Малик-шаха находилась в Табризе. Она (фактически) управляла страной своего мужа, который был занят собственными удовольствиями – едой, пьянством и игрой в азартные игры» [7, с. 373]. В результате этого было потеряно не только управление Арраном, но и оставшиеся земли государства атабеков Азербайджана становились объектом агрессии со стороны более сильных соседей: сначала Грузинского царства, о чем уже было сказано выше, а впоследствии Хорезмийской державы Джалал ад-Дина Манкбурны.

Вторжение монгольского корпуса Субэдэя и Джэбе не изменило ситуацию в пределах Южного Кавказа значительно, однако именно это событие, с нашей точки зрения, существенно отсрочило планы Грузинского царства по завоеванию Аррана и земель государства атабеков Азербайджана. «Тогда царь грузинский Лаша и великий военачальник Иванэ, собрав войско, выступили войной против них и подошли к долине, называемой Хунан, ибо там находилось войско неприятеля. Сразились друг с другом и поначалу обратили в бегство неприятеля; но поскольку [другие части] неприятеля находились в засаде, он ударил с тыла и начал сечь

грузинское войско. Повернули и выступили против [грузин] и обращенные в бегство [татары] и окружив с той и другой стороны, нанесли великое поражение войску христианскому. Бежали царь и все князья. А неприятель, забрав военную добычу, унес ее в свой стан. В другой раз собрал царь грузинский войско, еще более многочисленное, чем в первый раз, и вознамерился дать бой неприятелю. А [татары], взяв с собой жен, детей и все свое имущество, намеревались пройти через Дербентские ворота в свою страну. Но мусульманское войско, находившееся в Дербенте, не пропустило их. Тогда они перевалили через Кавказские горы по неприступным местам, заваливая пропасти деревьями и камнями, имуществом своим, лошадьми и военным снаряжением, переправились и вернулись в свою страну. И звали их предводителя Сабата Багатур» [14, с.138]. Таким образом, войско Субэдэя и Джэбе, разбив в 1220 г. грузинскую армию, покинули земли Южного Кавказа, что дало возможность Грузинскому царству не только восстановить силы, но и подготовиться к новой экспансии в Арран и земли государства атабеков Азербайджана. По всей видимости, именно появление в пределах Южного Кавказа новой военной угрозы, хорезмийских войск Джалал ад-Дина Манкбурны, заставило военную и политическую верхушку Грузинского царства переключить все свое внимание на нового противника вместо продолжения военной агрессии в указанные выше регионы.

Самостоятельная военная и политическая деятельность Джалал ад-Дина Манкбурны начинается после смерти его отца, Ала ад-Дина Мухаммада, в 1220 г., который перед собственной кончиной передал ему бразды правления в государстве Хорезмшахов. «Когда болезнь султана на острове усилилась, и он узнал, что его мать попала в плен, он призвал Джалал ад-Дина и находившихся на острове двух его братьев, Узлаг-шаха и Ак-шаха, и сказал: «Узы власти порвались, устои державы ослаблены и разрушены. Стало ясно, какие цели у этого врага: его когти и зубы крепко вцепились в страну. Отомстить ему за меня может лишь мой сын Манкбурны. И вот я назначаю его наследником престола, а вам обоим надлежит подчиняться ему и вступить на путь следования за ним». Затем он собственноручно прикрепил свой меч к бедру Джалал ад-Дина. После этого он оставался в живых всего несколько дней и скончался, представ перед своим господом. Он сошел в могилу со своим горем, да помилует его Аллах всевышний!» [23, с.100]. Однако данное событие произошло уже в период монголо-хорезмийской войны (1219–1221 гг.), и главным делом для нового правителя станет отражение монгольской угрозы. Проиграв ключевое сражение в битве на реке Инд в 1221 г., хорезмшах Джалал ад-Дин Манкбурны был вынужден бежать на территорию Северной Индии, где и попытался собрать силы после сокрушительного поражения. «По рассказу Насави, центр мусульманского войска, под начальством самого Джалал ад-Дина, смял монголов, и сам Чингиз-хан уже обратился в бегство, но битву решило нападение 10 000 монгольских бахадуров, до тех пор стоявших в засаде, на правое крыло мусульман, под начальством Амин ал-Мулька. Сын Джалал ад-Дин лет семи или восьми был взят в плен и убит; свою мать, жену и других женщин Джалал ад-Дин сам велел бросить в воду, чтобы они не достались монголам» [10, с.513].

Лишь в 1224 году Джалал ад-Дин Манкбурны покидает пределы Индии, так и не сумев закрепиться в этом регионе, и прибывает в земли Кермана, где он и начнет создавать свою собственную державу. «Тем временем из Ирака пришло известие, что там укрепился султан Гияс ад-Дин, но большая часть войска той страны поддерживала султана и требовала его присутствия. Стало также известно, что Барак Хаджиб находился в Кермане и осадил Джувашир. Говорили также, что монгольское войско, преследующее султана, было уже близко, поэтому он отбыл оттуда через Макран, и множество людей погибло из-за нездорового климата» [16, с.294–295]. Постепенно в состав хорезмийского государства Джалал ад-Дина Манкбурны входят не только Керман, но и земли Ирака Персидского, Хузистана и Фарса, так что на севере его владения уже вплотную соприкасались к 1225 г. с государством атабеков Азербайджана, которое и станет новой целью данного завоевателя. «После того как Йиган Таиси стал нести службу [вассала], а Ирак был освобожден от тех, кто сеет смуту и управляет нечестно и недостойно, султан направился в Азербайджан. Когда он приблизился к нему, Шараф ал-Мулк получил письмо от жителей Мараги, побуждавших султана к решению идти туда, чтобы освободить их от того позорного гнета, который им пришлось испытать, от произвола важных господ, [правивших] государством, и [от] власти женщин. [Они терпели] еще от того, что грузины вцепились когтями в нее (Марагу), а также из-за слабости их владетеля – атабека – в защите своей неприкосновенности и обороне своего владения. Тогда султан устремился к ней и вошел в нее, не встретив сопротивления. Пробыв в ней несколько дней, он отправил оттуда кади Муджир ад-Дина 'Умара ибн Са'да ал-Хорезми в качестве посла к владетелю ар-Рума и владетелям аш-Шама с письмами,

содержавшими уведомление о том, что он овладел областями Азербайджана и острием своих зубов вырвал те [области], в которые вцепились было клыки грузин. Это были два его аргумента перед господом его! Он уведомлял их о том, что он намерен совершить набег на грузин, подвергнуть их разорению и опустошению и показать им, что в доме есть хозяин. И в основу [писем] было положено начало дружелюбия» [23, с. 155].

Именно начало присоединения территорий государства атабеков Азербайджана должно было неизбежно столкнуть молодую Хорезмийскую державу с Грузинским царством. Дело не только в том, что Джалал ад-Дин после захвата Мараги начнет планомерно присоединять к себе все новые и новые земли атабека Узбека, о котором в источнике сообщают также следующее: «...атабек Узбек, владетель Азербайджана, постоянно был занят вожделениями своего брюха и члена, непрестанно пьянствуя, а, протрезвев, принимался за азартную игру в яйца» [7, с. 375]. Вместо слабого соседа, чьи владения были долгое время объектом грабежа и военных нашествий, Грузинское царство получало сильного противника, который мог и не ограничиться (последующие события показали, что именно так и случилось) только государством атабеков Азербайджана. При этом нельзя не отметить, что, согласно приведенной выше цитате из труда Ибн ал-Асира, именно Джалал ад-Дин Манкбурны предполагал напасть на территории Грузинского царства после покорения им государства атабеков Азербайджана. Подобная точка зрения арабского историка не только весьма интересна, но и требует пристального внимания к проблеме, кто же первым начал военные действия, приведшие в итоге к битве при Гарни в 1225 г. Однако прежде чем ответить на этот вопрос, необходимо сказать несколько слов о положении дел в Хорезмийской державе накануне военного столкновения с грузинским войском.

После взятия Мараги можно констатировать тот факт, что практически по всей территории государства атабеков Азербайджана была распространена власть Джалал ад-Дина Манкбурны. Так, например, в Табризе находились его чиновники, что, впрочем, вызвало восстание в этом городе из-за налогового произвола людей хорезмшаха. «Затем жители Табриза пожаловались Джалал ад-Дину и на шихну, говоря ему: «Он требует от нас большего, чем мы можем». Но Джалал ад-Дин (оставив жалобу без внимания), приказал шихне, чтобы тот не предоставлял (жителям) ничего, кроме того, на что они могут просуществовать. (В городе поднялось восстание)» [7, с. 373]. Со своей стороны, Джалал ад-Дин Манкбурны вынужден был осадить этот город и привести его население к повиновению, что, с нашей точки зрения, еще больше укрепило его власть в этих землях. «Через семь дней после того, как султан окружил город, оттуда вышел посол дочери Тогрула с просьбой гарантировать безопасность ей, ее рабам и слугам, а также сохранение их имущества и жизни с условием, что город Хой будет оставлен за ней и она будет доставлена туда под защитой [султанской] охраны. Султан удовлетворил ее просьбу, и Табриз сдался в шестьсот двадцать втором году [13.I 1225–1.I 1226. – Прим. пер.]. Двух своих личных слуг – Тадж ад-Дина Кылыджа и Бадр ад-Дина Хилала – султан приставил к ней в качестве охраны. Они благополучно доставили ее вместе с сопровождающими ее слугами в Хой» [23, с.156]. Сама история, связанная с взятием Табриза, наглядно демонстрирует желание хорезмшаха не просто завоевать территории государства атабеков Азербайджана, но и включить их в состав собственного государства. Безусловно, такого рода действия, как уже отмечалось выше, не могли не вызвать тревогу у военной и политической элиты Грузинского царства.

Возвращаясь к приведенной выше цитате из труда Ибн ал-Асира, хотелось бы подчеркнуть, что в пользу заранее продуманной и запланированной Джалал ад-Дином Манкбурны военной агрессии в отношении Грузинского царства говорит тот факт, что в период захвата земель государства атабеков Азербайджана хорезмшах предпринимает дипломатические шаги с целью заручиться поддержкой соседних правителей.

«Султан Ала ад-Дин Кей-Кубад I принял посла Хорезмшаха с большим почетом. Цель посольства, казалось, была достигнута: были установлены дружеские отношения между обоими султанами, и они скрепили свою дружбу браком сына Кей-Кубада I – Гийас ад-Дина Кей-Хосрова II (1236–1245 гг.) с сестрой правителя Шираза атабека Абу Бакра ибн Саада (1226–1260 гг.), родственницей Джалал ад-Дина» [12, с.165]. Такого рода деятельность Джалал ад-Дина Манкбурны нашла свое отражение в дипломатической переписке, где, в частности, указывается на то, что хорезмшах сделал своей столицей Марагу, перенося таким образом центр своего государства ближе к землям Южного Кавказа. «Это послание для восстановления дружеских связей создано в прошлой декаде джумада II в Мараге, которая является единственной нашей столицей, отправлено к Ала ад-Дину (Кей-Кубаду I) и к Муджир ад-Дину Шараф ал-Исламу Насир ал-Мулуку ва с-Салатину, уважаемому высокому служителю двора, посылаем (послание), чтобы

он устранил несоответствия и согласовал необходимое. Необходимо, чтобы Ала ад-Дин удовлетворился услышанным словом и признал нашего посланника» [38, р. 101]. Можно ли признать, что заключение подобного рода союзов было предпринято хорезмшахом с целью обезопасить себя и свое государство в случае полномасштабной кампании против Грузинского царства? Вполне вероятно, что так оно и было: с самого начала своего существования Хорезмийское государство было крайне беспокойным соседом и правители мусульманских государств Ближнего Востока и Малой Азии были, с нашей точки зрения, крайне заинтересованы в том, чтобы военная агрессия Джалал ад-Дина Манкбурны была направлена в иной регион и против немусульманской державы. В связи с этим они вполне охотно шли на союз с хорезмшахом с учетом его предполагаемой кампании против Грузинского царства. Кроме того, ослабление этой державы, которая, как уже говорилось выше, также была крайне беспокойным соседом, было выгодно и самому хорезмшаху, и его союзникам. Не менее важно отметить и то, что покорение всего Южного Кавказа сделало бы Хорезмийскую державу настоящим «щитом» против возможной монгольской агрессии с востока, поскольку она включала бы в себя земли от Персидского залива на юге до Каспийского моря на севере, а завоеванные южнокавказские земли обеспечивали бы надежный тыл этому государству и служили источником материальных и людских ресурсов. Таким образом, в успешной кампании хорезмшаха против Грузинского царства были заинтересованы не только сам Джалал ад-Дин Манкбурны, но и правители соседних с ним государств.

Все вышесказанное, тем не менее, не отменяет вопроса о том, с чьей же все-таки стороны, хорезмийской или грузинской, шла инициатива относительно начала военных действий именно в 1225 г. Безусловно, обе стороны готовились к этой войне и имели свои причины, однако крайне интересно было бы установить, кого же следует признать инициатором. Имеющиеся у нас исторические источники приводят прямо противоположные точки зрения по данному вопросу. Армяноязычные исторические источники указывают в качестве агрессора на Джалал ад-Дина Манкбурны, чья военная угроза заставила Грузинское царство начать сбор войск и подготовку к войне. «Вышеупомянутый северо-восточный народ, именуемый татарами, довел до крайности хорезмийского султана Джалал ад-Дина, разбил его войско и ниспроверг его страну. Его [самого] обратили в бегство в Агванк: он пришел в город Гандзак и захватил его. [Султан] собрал бесчисленное войско из персов, мусульман и тюрок и вторгся в страну армян. Узнав об этом, Иванэ сообщил грузинскому царю и стал собирать большое войско против султана» [14, с. 149]. Отметим явные фактические ошибки в приведенной цитате, а именно упоминание грузинского царя, в то время как Грузинским царством в тот момент управляла царица Русудан. Оставим вне поля внимания отдельные ошибки в приведенном историческом источнике относительно монгольского завоевания государства хорезмшахов Ануштегинидов, а также не совсем понятное упоминание о «стране армян» [См.: 27; 30], поскольку в рамках данного исследования нас в большей степени интересуют другие сюжеты. Грузинские исторические сочинения также указывают на то, что именно хорезмийцы первыми начали военные действия против Грузинского царства, и даже упоминают их зверства в отношении мирного населения. «Хорезмийцы эти явились на третьем году по преставлении Лаша-Георгия с целью разорения и захвата земель и населения Двина. Проведав о том, атабаг Иванэ и Варам Гагели явились пред царицей Русудан и доложили ей о появлении хорезмийцев и лично великого султана Джалалдина на погибель христиан. Сокрушали они так немилосердно, что не щадили ни женщин, ни младенцев» [31, с. 122].

В свою очередь арабо-персидские исторические сочинения приводят не только другие фактологические данные относительно начала войны, но и указывают на то, что именно Грузинское царство начинает военные действия, а Джалал ад-Дин Манкбурны был вынужден лишь отвечать на эту агрессию. Так, у Ибн ал-Асира мы находим указания на то, что хорезмшах пытался избежать прямого военного столкновения и отправил посольство, о котором нет никаких сведений в грузинских и армяноязычных памятниках, описывающих события накануне битвы при Гарни. Согласно арабскому историку Джалал ад-Дин предложил грузинской стороне сдаться без боя, однако получил следующий ответ: «Они (грузины) ему ответили так: “Татары, о которых ты знаешь, и знал твой отец, который, несомненно, был правителем более могущественным и более храбрым, чем ты, и располагал более многочисленной армией, [эти татары] завоевали ваше государство; затем татары направились против нас. Мы не испугались, и они закончили тем, что бежали от нас”» [32, р. 482]. Отсутствие упоминания об этом событии в других группах исторических источников, а также уникальность подобных сведений в составе самих арабо-

персидских памятников ставит под сомнение достоверность существования такого рода посольства. Кроме того, ответ грузинской стороны в сочинении Ибн ал-Асира мало соответствует историческим событиям монгольского вторжения в пределы Южного Кавказа, поскольку в нем отсутствует упоминание о том, что монгольские войска «нанесли великое поражение войску христианскому. Бежали царь и все князья. А неприятель, забрав военную добычу, унес ее в свой стан» [14, с. 138]. Сомнительно, что при переговорах с хорезмийцами грузинская сторона будет столь наглым образом указывать на то, что монголы «бежали» от них, в то время как грузинское войско было наголову разбито в 1220 г.

В более поздних арабо-персидских исторических памятниках старательно подчеркиваются намерения Грузинского царства не только разгромить Джалал ад-Дина Манкбурны, но и подчинить себе другие мусульманские государства. Здесь следует еще раз вспомнить уже приводимую в этой статье цитату из сочинения Джувейни. «Грузин, этих нечестивых безбожников, охватило желание овладеть этой страной, вознамерившись в первую очередь изгнать султана и захватить область Тебриза, а затем прийти в Багдад и посадить католика на место халифа и превратить мечети в церкви, а истинную веру в ложную» [16, с. 301]. Здесь, по всей видимости, присутствуют отголоски более ранних событий, а именно военных походов грузинских войск на территорию государства атабеков Азербайджана, попыток правителей Грузинского царства принять участие в крестовом походе и прочего, о чем уже говорилось выше. Формирование образа Грузии как угрозы исламскому миру позволяет отдельным поздним арабо-персидским историкам не только объяснить цель военных походов Джалал ад-Дина Манкбурны в этот регион, но и оправдать те жестокости в отношении мирного населения этого государства, о которых, впрочем, умолчать они также не могли. Таким образом, арабо-персидские историки представляют картину предыстории военного столкновения прямо противоположной той, что мы находим в грузинских и армяноязычных исторических сочинениях. Эта же точка зрения находит свое отражение и в современных исторических исследованиях, где указывается, что именно грузинские войска начнут наступление против хорезмшаха Джалал ад-Дина Манкбурны. «В шаабане 622 г.х. (август 1225 г.) 60-тысячная армия грузин под командованием Иване Мхаргрдзели сосредоточилась у крепости Гарни, близ Двина, с намерением начать наступление на Азербайджан» [12, с. 166].

При этом не следует забывать и того факта, что отдельные исследователи столь же некритически относятся к сообщениям не только арабо-персидских историков, но и к памятникам грузинской и армяноязычной историографии. Ярким примером тому является статья А.Г. Галстяна, где мы, в частности, находим следующее описание событий, произошедших накануне битвы на реке Гарни. «Как известно, в то время Джалал ад-дин после неудачных боев с монголами скрылся в Индии. Но спустя некоторое время он из Пакистана вторгся в Иран и закрепился в тех районах, которые еще не были разорены. Собрав большое количество людей для войны с монголами, он в 1225 г. захватил Табриз, быстро завоевал ряд областей Азербайджана, через Атрпатакан вторгся в Армению и взял ее столицу – Двин» [13, с.168]. Странно видеть употребление термина «столица» и понятия «Армения» к историческому периоду, когда такое государство на территории Южного Кавказа и сопредельных регионов отсутствовало. Однако детально этот вопрос мы специально рассматривали в предшествующих исследованиях, поэтому подробно здесь мы его анализировать не будем [27; 30].

Разночтения в информации из разных групп исторических источников относительно инициатора столкновения при Гарни в 1225 г. позволяют сделать несколько выводов. Прежде всего обратимся еще раз к сочинению ан-Насави, где содержится подробное описание действий хорезмшаха Джалал ад-Дина Манкбурны накануне битвы при Гарни. «Когда султан захватил Азербайджан, грузины, в количестве шестидесяти тысяч человек, собрались в местности в пределах [округа] Двина, известной под названием Гарни. Они демонстрировали стойкость, но за этим скрывалась глупость. От соседства султана их хватил паралич и столбняк, ими овладела тревога и печаль. Собравшись, они преследовали цель показать султану, насколько они могущественны и многочисленны. Они надеялись, что [он], может быть, пожелает пойти на мир с ними и они избавятся [таким образом] от жара наказания и от пучины бушующего моря. Вот почему они уверенно собрались в поход, позабыв о том, что государство Атабеков пало; ведь оно было для них местом охоты: туда они ходили за добычей вместе и порознь, парами и по одному. Когда султан узнал, что они собрались для пустой болтовни, он устремился на них с теми воинами, которые были под рукой, так как большинство их уже разъехалось в свои владения икта' в Ираке и других местах. И вот, прибыв к берегу реки Аракс, он застал там эмиров авангарда во

главе с Джахан-Пахлавом Илчи. Они сообщили ему, что враг поблизости и у него много [войск]. Он ответил на эту весть лишь тем, что, прищипнув коня, бросился вброд. Его не смутило то, что было сказано о близости врага и его многочисленности. За ним последовали и войска» [23, с. 151].

Ан-Насави указывает, как и большинство арабо-персидских историков, на военную агрессию с грузинской стороны, но из его описания можно сделать вывод и том, что действия хорезмшаха могли носить характер превентивного удара и, таким образом, в качестве инициатора военных действий будут выступать обе стороны конфликта. Грузинская же сторона также мобилизует военные силы, возможно, для предотвращения хорезмийского вторжения на собственные территории, а возможно, также для превентивного удара по Джалал ад-Дину Манкбурны уже на подчиненных ему землях. С нашей точки зрения, описание, приводимое ан-Насави, наиболее соответствует действительности не только потому, что является компромиссным, но и в связи с тем, что данный автор был в этот период личным секретарем Джалал ад-Дина Манкбурны, а, следовательно, прекрасно осведомленным о военных и политических делах своего патрона. На самом деле такая позиция мало противоречит грузинским и армяноязычным историческим сочинениям, поскольку в них также содержатся указания на то, что грузинская сторона выставляет войско еще до того, как хорезмшах вторгается непосредственно на подконтрольные им земли [14, с. 149].

Нельзя не отметить и того факта, что в грузинских и армяноязычных памятниках приводятся совершенно фантастические данные о численности войска, с которым Джалал ад-Дин Манкбурны пришел к Гарни. Так, в «Летописи» Себастици мы видим указание на то, что «собрав двухсоттысячное войско, он вторгся в страну армянскую. Грузинский полководец Иванэ, собрав войска, выступил против него войной» [6, с. 23]. В «Картлис Цховреба» численность хорезмийской армии несколько ниже, но и в этом случае цифры кажутся нам завышенными: «...слово это они решили принять и, забрав с собой семьи и все свое достояние, выступили и дошли до Адарбадагана в количестве около ста сорока тысяч человек...» [31, с. 122]. При этом в арабо-персидских источниках нет точных указаний на численность хорезмийской армии, однако косвенно подчеркивается то, что перевес был как раз на стороне грузинского войска: «Когда он достиг Гарни, то увидел, что грузины расположились на возвышенности, как высокая гора на горе, сплошной черной массой, как беспросветная ночь» [23, с. 157]. Безусловно, приводимые выше данные грузинских и армяноязычных источников относительно количества хорезмийских войск являются существенно завышенными: Джалал ад-Дин Манкбурны никогда не собирал столь огромного войска после возвращения из Индии, ни один источник о подобном не упоминает [28]. С другой стороны, вряд ли это войско сильно уступало по численности грузинской армии, которое, согласно сведениям из более ранних памятников, составляло порядка 60 – 70 тысяч человек [7, с. 376; 23, с. 157; 6, с. 34]. Таким образом, можно предположить, что в битве при Гарни соотношение сил у Джалал ад-Дина Манкбурны и грузинских военачальников было примерно равным.

Приведем подробный рассказ из сочинения ан-Насави, где можно увидеть детальное описание тех действий, которые предприняла хорезмийская сторона. «Когда он достиг Гарни, то увидел, что грузины расположились на возвышенности, словно высокая гора на горе, [сплошной] черной массой, как беспросветная ночь. И крайним пределом того, чем они проявили себя в этот день, были их крики, которые могли разорвать звездные покрывала и заставить слышать уши глухого. Но султан испугался их многочисленности не больше, чем волки пугаются свободно пасущихся овец, или так, как голодные львы боятся бродячего скота. Под покровом ночи он построил [войско] перед ними в ряды и расположил конницу, усилив центр своими витязями, левый фланг заполнил своими богатырями-защитниками, а правый окружил лучниками. Весь тот день он ожидал, что грузины спустятся [с горы] для сражения, но [они] не спускались. Когда солнце склонилось к закату для султана разбили небольшой шатер позади центра, и он провел там ночь, а ханам и эмирам приказал поочередно сменять друг друга в ночном бдении до самой зари. И они сделали то, что он приказал, и разошлись к своим огням. Когда настало утро, он призвал их и сказал: «Враг, очевидно, решил уклониться [от сражения] и стремится к затягиванию дела вместо нападения. И мы решили напасть на них, поднимаясь со всех сторон. Если они атакуют вас, то [можно] опередить их, не дав им спуститься, и забросать их стрелами». И султан выступил, поднимаясь вверх, скорее даже [не сам], а поддерживаемый [Аллахом]. Когда он выступил, двинулись и ищущие [боя], распрямив свои крылья, подобно орлам. Скорее других поднимался левый фланг султана, где находились его брат Гийас ад-Дин, Ур-хан, Йиган Таиси и некоторые другие эмиры. На них напал Шалва, один из их знаменитых хитрецов. Они начали сражение с ним,

и стрелы летели так, словно это падают метеоры или летят снежинки, гонимые ветром. Муслим смешался с кафиром, имеющий выгоду [от истинной веры] — с тем, кто терпит убыток [от ложной], поднимающийся — со спускающимся, конный — с пешим. Они наносили друг другу удары по конечностям, в самые сердца и шеи и старались опередить друг друга в подъеме на вершину горы. Тот, кто бежал, видел, что может спастись и уцелеть [только] при восхождении [на гору], и его побуждали к подъему правдивость его надежды и верность его чаяний. А когда конница нанесла победоносные удары по несчастному сброду, грузины повернули свои спины к головам [конницы султана], и, прежде чем соперничество стало сражением, а метание стрел — взаимным истреблением, они понеслись на крыльях бегства, увешанные позором и бесчестьем. Они видели в силуэтах отряды, охватывающие их, а в тених — охотников, настигающих их. Поле сражения было покрыто трупами, их было около четырех тысяч, тех, которые пали, спасаясь от жара поражения. Султан остановился на холме, а грузин приводили к нему покорных, униженных, как гонят грешников к адскому огню. Лица у них были [покрыты] пылью безбожия и отягчены прахом беспомощности. Он стоял там, пока не вернулись [обратно] преследовавшие и не собрались захватившие добычу, и тот, кто хотел пройти к нему, ступал по убитым и топтал их» [23, с. 151–152].

В сочинении Киракоса Гандзакеци мы видим несколько иное описание битвы при Гарни, где можно отметить отдельные любопытные подробности. «Выступил и Иванэ с грузинским войском и расположился против них, [чуть] повыше. Увидев их, он испугался, застыв на месте, а султан двинул вперед свои войска и пошел навстречу им. Когда увидели это один из грузинских вельмож (звали его Шалвэ) и брат его Иванэ — мужи храбрые и знатные, победоносные в бою, — они велели остальным воинам: «Вы пока подождите. Мы пойдем врежемся в их ряды; если хоть кого-нибудь из них мы вынудим к отступлению, победа будет за нами, наступайте и вы. Если же они победят нас, вы бегите, спасайте свою жизнь!» И они смешались с войском султана и стали тут же громить их. Но воины грузинские, не обратив на это внимания, стали разбегаться так, что во время бегства и товарищей своих не узнавали. И бежали, не будучи преследуемы никем. От страха они бросались вниз, и ущелье повыше селения Гарни было заполнено ими. Когда увидели это воины султана, они стали преследовать их, многих вырезали, а остальных сбросили вниз со скал. Султан, поднявшись на скалу над ущельем, увидел это печальное зрелище — множество людей и лошадей свалены были, подобно камням, в кучи — покачал головой и сказал: «Это дело [рук] не человека, а лишь Бога Всемогущего» [14, с. 149]. Как видно из этого отрывка, поражение грузинской армии в данном сражении автор объясняет проявлением Божественного вмешательства, в других армяноязычных памятниках подобная точка зрения встречается неоднократно. «Божий гнев постиг Иване, он потерпел поражение возле городка Гарни. Большая часть его войска [была] сброшена с утеса и скатилась в глубокое ущелье... Султан же, не встретив сопротивления, возвратился в Тебриз» [6, с. 24].

В труде епископа Степаноса описание битвы при Гарни обрastaет новыми подробностями, подчеркивающими грехи предводителей и всего грузинского войска, за которые они таким образом были наказаны: «...он (Джалал ад-Дин Манкбурны. — Авт.) вторгся в страну армянскую, предал ее огню и мечу, разрушил и разорил страну. Но, встретившись с нашими армяно-грузинскими войсками в Араратской долине, остановился перед ними. Великий полководец Иване выставил [против него] 60 тысяч воинов. Но Божий гнев постиг их за беззаконие и отклонение от праведного пути. Не приняв бой под городком Гарни, без победы [врага] они обратились в бегство. И не от человеческих рук, невидимыми ангелами и бурей мечей они были низвергнуты в глубокие ущелья, где все погибли, а если некоторые и спаслись, то благодаря тому, что они спрятались в крепости Гегард» [6, с. 33].

Со своей стороны, грузинские исторические сочинения объясняют поражение в битве при Гарни разногласиями внутри грузинского командования и несогласованностью действий отдельных подразделений. «А жестокий бой продолжался. Атабаг Иванэ и войска грузинские, взирая на жаркий бой, не пожалели христолюбивых сородичей своих торельцов и с ними многих славных (соратников), но стояли поодаль. И не изволил пособить атабаг Иванэ, как говорит, из зависти, но не из малодушия» [31, с. 122]. Подобные сведения позволяют сделать вывод о том, что победа Джалал ад-Дина Манкбурны, которую ан-Насави и более поздние арабо-персидские историки склонны рассматривать как пример его личной доблести и военного таланта, отчасти была обеспечена и несогласованностью, и просчетами грузинского командования. Относительно того религиозно-мистического характера, который приобретает битва при Гарни в трудах армяноязычных авторов, то это связано, как уже отмечалось нами в предшествующих

исследованиях, с теми религиозными противоречиями, которые имели место быть в тот исторический период между Грузинской и Армянской Церквями [28; 29].

Подводя итоги данного исследования, хотелось бы отметить неизбежность военного столкновения между Грузинским царством и Хорезмийской державой Джалал ад-Дина Манкбурны. Обе стороны в равной степени претендовали на доминирование в южнокавказском регионе и имели для этого полное основание. Не следует забывать при этом, что политическая составляющая конфликта существенно подкреплялась разной конфессиональной принадлежностью, что нашло свое отражение в исторических источниках, предлагающих описание битвы при Гарни. Так, мусульманские авторы подчеркивают ту угрозу, которую представляло собой Грузинское царство для мусульманской части Южного Кавказа и сопредельных регионов. Со своей стороны, армяноязычные и грузинские авторы указывают на те жестокости и террор по отношению к христианскому населению, которые осуществлял Джалал ад-Дин и его войско. Неизбежность столкновения следует связать и с территориальным фактором, а именно с землями Аррана, на которые претендовали одновременно обе стороны. Тем не менее, как было указано в этой статье, столкновение 1225 г. не было спланированной агрессией со стороны Джалал ад-Дина Манкбурны в том смысле, что его армия выступает против грузинского войска лишь после получения сведений о мобилизации и готовящейся агрессии со стороны Грузинского царства. По большому счету сбор грузинского войска вынудил хорезмшаха форсировать начало кампании против своего опасного соседа, что произошло бы и так, но, возможно, несколько позднее.

Описание сражения при Гарни и причин поражения грузинского войска в исторических источниках позволяет вычленировать несколько точек зрения. Арабо-персидские авторы, начиная с ан-Насави, целиком и полностью сосредотачивают внимание читателя на доблести Джалал ад-Дина Манкбурны и его полководческих талантах: победа в этом сражении, прежде всего, его заслуга, а также его войска. Армяноязычные авторы существенно «мифологизируют» битву при Гарни, указывая на проявления Божьего гнева и грехи грузинских военачальников и простых воинов, что в большей степени и объясняет в их трудах победу Джалал ад-Дина Манкбурны над многочисленным противником. Грузинская средневековая историография указывает на разногласия между грузинскими военачальниками и несогласованность действий отдельных военных отрядов, в результате чего хорезмийское войско разгромило противника фактически по частям. Эта точка зрения наряду с описаниями ан-Насави, с нашей точки зрения, наилучшим образом объясняет исход битвы при Гарни и победу хорезмшаха Джалал ад-Дина. Во многом именно успех первого военного столкновения предопределяет дальнейшую хорезмийскую экспансию в пределы Южного Кавказа и войну с Грузинским царством. Таким образом, битва при Гарни является одним из ключевых событий в истории формирования Хорезмийского государства и включения в него земель Южного Кавказа.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абегян М.* История древнеармянской литературы. Ереван, 1948. Т.1. – 524 с.
2. *Аветисян В.* Монгольское нашествие на Армению (XIII в.) // Московский институт востоковедения. Труды. Сб. № 1. М., 1939. С. 125–143.
3. *Али-Заде А.А.* Монгольские завоеватели в Азербайджане и сопредельных странах в XIII–XIV вв // Вопросы истории. 1952. № 8. С. 59–65.
4. Анонимный грузинский «Хронограф» XIV века / Пер. Г. В. Цулая. М., 2005. – 152 с.
5. *Анчабадзе З.В.* Из истории средневековой Абхазии (XI–XVII вв.). Сухуми, 1959. – 306 с.
6. Армянские источники о монголах. Извлечение из рукописей XIII–XIV вв. / Пер. А.Г. Галстян. М., 1962. – 155 с.
7. *Ибн ал-Асир.* «Ал-Камил фи-т-тарих» «Полный свод по истории». Избранные отрывки / Пер. П. Г. Булгаков, Ш. С. Камолиддин. Ташкент, 2006. – 560 с.
8. *Ашурбейли С.* Государство Ширваншахов (VI–XVI вв.). Баку, 1983. – 306 с.
9. *Бабаян Л.О.* Социально-экономическая и политическая история Армении в XIII–XIV веках. М., 1969. – 336 с.
10. Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Бартольд В.В. Сочинения. М., 1963. Т. 1. – 760 с.

11. *Бунятов З.М.* Государство Атабеков Азербайджана (1136–1225). Баку, 1978. – 271 с.
12. *Бунятов З.М.* Государство Хорезмшахов-Ануштегинидов 1097–1231 гг. М., 1986. – 247 с.
13. *Галстян А.Г.* Завоевание Армении монгольскими войсками // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977. С. 166–186.
14. *Гандзакеци К.* История / Пер. с древнеарм. Т. И. Тер-Григоряна. Баку, 1946. – 302 с.
15. *Гандзакеци К.* История Армении / Пер. Л.А. Ханларян. М., 1976. – 355 с.
16. *Джувеини.* Чингиз-хан. История завоевателя мира / Пер. Е. Е. Харитонова. М., 2004. – 690 с.
17. *Ибрагимов Д.* К истории государства Ширваншахов Азербайджана (1072–1382) // Азербайджанский государственный университет. История и философия. 1964. Вып. 4. С. 17–30.
18. Источниковедение / Отв.ред. М.Ф. Румянцева. М., 2015. – 685 с.
19. *Картлис Цховреба* / Глав.ред. Роин Метревели. Тб., 2008. – 456 с.
20. *Лордкипанидзе М.Д.* История Грузии XI – начала XIII в. Тб., 1974. – 210 с.
21. *Мамедова Ф.* Кавказская Албания и албаны. Баку, 2005. – 798 с.
22. *Мамедова Ф.* Политическая история и историческая география Кавказской Албании (III в. до н.э. – VIII в. н.э.). Баку, 1986. – 280 с.
23. *Ан-Насави.* Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны / Пер. З. М. Бунятова. Баку, 1973. – 450 с.
24. *Петрушевский И. П.* Из героической борьбы азербайджанского народа в XIII–XIV веках. Баку, 1941. – 64 с.
25. *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей: в 3 т. / Пер. А.К. Арендс, Ю.П. Верховский, О.И. Смирнова, Л.А. Хетагуров. М., 2002. Кн. 1–2.
26. *Стратонитский К.А.* Монгольское управление покоренными Китаем и Арменией. М., 1913. – 30 с.
27. *Тимохин Д.М.* Об использовании термина «Армения» при описании истории Южного Кавказа первой половины XIII века: проблемы интерпретации источников в отечественной историографии // Актуальные проблемы источниковедения: материалы III Международной научно-практической конференции, Витебск, 8-9 октября 2015 г. Витебск, 2015. С. 66–69.
28. *Тимохин Д.М.* Соперник Чингиз-хана: хорезмшах Джалал ад-Дин Манкбурны, личность и эпоха. М., 2013. – 268 с.
29. *Тимохин Д.М.* Хорезмийское государство Джалал ад-Дина Манкбурны и Южный Кавказ 1225–1231 гг. // Транскавказика. Южный Кавказ и сопредельные регионы в эпоху монгольского владычества XIII–XIV вв. М., 2013. С. 7–39.
30. *Тимохин Д.М.* Хорезмийское и монгольское завоевание Южного Кавказа в зарубежной историографии: на примере исследования Д. Байарсайхан «Монголы и армяне (1220–1335)» // Вестник института истории, археологии и этнографии. 2017. № 1. С. 5–15.
31. *Цулая Г. В.* Джелал ад-Дин в оценке грузинской летописной традиции // Летописи и хроники. 1980 г. М.: Наука, 1981. С. 1–14.
32. *Al-Asir ibn.* Al-Kamil fi-t-tarih // Journal Asiatique. Paris, 1849–1850. Т. XIII–XV.
33. *Bayarsaikhan Dashdondog.* The Mongols and the Armenians (1220-1335). Leiden, Brill, 2011. – 268 p.
34. *Bedrosian R.* The Turco-Mongol Invasions and the Lords of Armenia in the 13-14th Centuries: Ph.D. Dissertation. Columbia University, 1979. – 223 p.
35. *Djuveini.* The History of the World-conqueror / Trad. J. A. Boyle. Manchester, 1959. Vol. 1-2.
36. *Kafesoglu I.* Harezmsahlar devleti tarihi (485–617/1092–1229). Ankara, 1956. – 420 p.
37. *Khondamir.* Tarih-e habib. Tehran, 1954. Vol.1-3.
38. *Horst H.* Die Staatsverwaltung der Grosselgüen und Horazmsahs (1038–1231). Wiesbaden, 1964. – 192 p.
39. *Mirhond.* Histoire de sultan du Kharezm. Paris, 1842. – 113 s.
40. *Mirhond.* La vie de Genghis-khan. Paris, 1840. – 174 s.
41. *An-Nasavi.* Sirat Jelaledin ya tarikh-e Jelali. Tehran, 1945. 360 s.
42. *ün-Nesevî Ahmed Şehabeddin.* Celâlüttin Harezemşah / Mütercimî: Necip Âsım [Yazıksız]. İstanbul, 1934. – 158 s.
43. *Sibt al-Jauzi.* Miraat az-zaman fi tarih al-ayan. Ankara, 1968. – 280 s.

REFERENCES

1. *Abegjan M.* Istorija drevnearmjskoj literatury. Erevan, 1948. t.1. –524 s.
2. *Avetisjan V.* Mongol'skoe nashestvie na Armeniju (XIII v.) // Moskovskij institut vostokovedenija. Trudy. Sb. № 1. M., 1939. S. 125–143.
3. *Ali-Zade A.A.* Mongol'skie zavoievateli v Azerbajdzhane i sopredel'nyh stranah v XIII–XIV vv. // Voprosy istorii. 1952. № 8. S. 59–65.
4. Anonimnyj gruzinskij «Hronograf» XIV veka / Per. G. V. Culaja. M., 2005. – 152 s.
5. *Anchabadze Z.V.* Iz istorii srednevekovoj Abhazii (XI–XVII vv.). Suhumi, 1959. – 306 s.
6. Armjanskije istochniki o mongolah. Izvlechenie iz rukopisej XIII–XIV vv. / Per. A.G. Galstjan. M., 1962. – 155 s.
7. *Ibn al-Asir.* «Al-Kamil fi-t-tarih» «Polnyj svod po istorii». Izbrannye otryvki / Per. P.G. Bulgakov, Sh. S. Kamoliddin. Tashkent, 2006. 560 s.
8. *Ashurbejli S.* Gosudarstvo Shirvanshahov (VI–XVI vv.). Baku, 1983. – 306 s.
9. *Babajan L.O.* Social'no-jekonomicheskaja i politicheskaja istorija Armenii v XIII–XIV vekah. M., 1969. – 336 s.
10. *Bartol'd V.V.* Turkestan v jepohu mongol'skogo nashestvija // Bartol'd V.V. Sochinenija. M., 1963. T. 1. – 760 c.
11. *Bunijatov Z.M.* Gosudarstvo Atabekov Azerbajdzhana (1136–1225). Baku, 1978. – 271 s.
12. *Bunijatov Z.M.* Gosudarstvo horezmshahov-Anushteginidov 1097–1231 gg. M., 1986. – 247 s.
13. *Galstjan A.G.* Zavoevanie Armenii mongol'skimi vojskami // Tataro-mongoly v Azii i Evrope. M., 1977. S. 166–186
14. *Gandzakeci Kirakos.* Istorija. Per. s drevnearm. T. I. Ter-Grigorjana. Baku, 1946. – 302 s.
15. *Gandzakeci Kirakos.* Istorija Armenii. / Per.: L. A. Hanlarjan. M., 1976. – 355 S.
16. *Dzhuvejni.* Chingiz-han. Istorija zavoevatelja mira / Per. E. E. Haritonova. M., 2004. – 690 s.
17. *Ibragimov D.* K istorii gosudarstva Shirvanshahov Azerbajdzhana (1072–1382) // Azerbajdzhanskij gosudarstvennyj universitet. Istorija i filosofija. 1964. Vyp. 4. S. 17–30.
18. Istochnikovedenie. / Otv. red. M. F. Rumjanceva. M., 2015. 685 s.
19. *Kartlis Chovreba* (Istorija Gruzii) / Gl. red. Roin Metreveli. Tb., 2008. – 456 s.
20. *Lordkipanidze M.D.* Istorija Gruzii XI - nachala XIII v. Tb., 1974. – 210 s.
21. *Mamedova F.* Kavkazskaja Albanija i albany. Baku, 2005. – 798 s.
22. *Mamedova F.* Politicheskaja istorija i istoricheskaja geografija Kavkazskoj Albanii (III v. do n.je.-VIII v.n.je.). Baku, 1986. – 280 s.
23. *An-Nasavi.* Zhizneopisanie sultana Dzhahal ad-Dina Mankburny / Per. Z.M. Bunijatova. M., 1996. – 804 s.
24. *Petrushevskij I.P.* Iz geroicheskij bor'by azerbajdzhanskogo naroda v XIII–XIV vekah. Baku, 1941. – 64 s.
25. *Rashid ad-Din.* Sbornik letopisej: v 3 t. / Per.: A.K. Arends, Ju. P. Verhovskij, O. I. Smirnova, L. A. Hetagurov. M., 2002. Kn. 1–2.
26. *Stratonitskij K.A.* Mongol'skoe upravlenie, pokorennymi Kitaem i Armeniej. M., 1913. – 30 s.
27. *Timohin D.M.* Ob ispol'zovanii termina «Armenija» pri opisanii istorii Juzhnogo Kavkaza pervoj poloviny XIII veka: problemy interpretacii istochnikov v otechestvennoj istoriografii // Aktual'nye problemy istochnikovedenija: materialy III Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskij konferencii, Vitebsk, 8-9 oktjabrja 2015 g. Vitebsk, 2015. S. 66-69.
28. *Timohin D.M.* Sopernik Chingiz-hana: horezmshah Dzhahal ad-Din Mankburny, lichnost' i jepoha. M., 2013. – 268 s.
29. *Timohin D.M.* Horezmijskoe gosudarstvo Dzhahal ad-Dina Mankburny i Juzhnyj Kavkaz 1225-1231 gg. // Transkavkazika. Juzhnyj Kavkaz i sopredel'nye regiony v jepohu mongol'skogo vladychestva XIII-XIV vv. M., 2013. S. 7-39.
30. *Timohin D.M.* Horezmijskoe i mongol'skoe zavoevanie Juzhnogo Kavkaza v zarubezhnoj istoriografii: na primere issledovanija D. Bajarsajhan «Mongoly i armjane (1220–1335)» // Vestnik instituta istorii, arheologii i jetnografii. 2017. № 1. S. 5–15
31. *Culaja G.V.* Dzhahal ad-Din v ocenke gruzinskoj letopisnoj tradicii // Letopisi i hroniki. 1980 g. M.: Nauka, 1981. S. 112–128.
32. *Al-Asir ibn.* Al-Kamil fi-t-tarih // Journal Asiatique. Paris, 1849–1850. T. XIII–XV.
33. *Bayarsaikhan Dashdondog.* The Mongols and the Armenians (1220-1335). Leiden, Brill, 2011. – 268 p.

34. *Bedrosian R.* The Turco-Mongol Invasions and the Lords of Armenia in the 13-14th Centuries: Ph.D. Dissertation. Columbia University, 1979. – 223 r.
35. *Djuveini.* The History of the World-conqueror / Trad. J. A. Boyle. Manchester, 1959. Vol. 1-2.
36. *Kafesoglu I.* Harezmsahlar devleti tarihi (485–617/1092–1229). Ankara, 1956. – 420 p.
37. *Khondamir.* Tarih-e habib. Tehran, 1954. Vol.1-3.
38. *Horst H.* Die Staatsverwaltung der Grosselğüen und Horazmsahs (1038–1231). Wiesbaden, 1964. – 192 p.
39. *Mirhond.* Histoire de sultan du Kharezm. Paris, 1842. – 113 s.
40. *Mirhond.* La vie de Genghis-khan. Paris, 1840. – 174 s.
41. *An-Nasavi.* Sirat Jelaleddin ya tarikh-e Jelali. Tehran, 1945. 360 s.
42. *ün-Nesevî Ahmed Şehabeddin.* Celâlüttin Harezemşah / Mütercimi: Necip Âsım [Yazıksız]. İstanbul, 1934. – 158 s.
43. *Sibt al-Jauzi.* Miraat az-zaman fi tarih al-ayan. Ankara, 1968. – 280 s